

Борис Житков — Что бывало: Сказка

КРАСНЫЙ КОМАНДИР

Ехала мать в город с малыми ребятами в бричке. Вот въехали они уже в улицу, вдруг лошади чего-то испугались и понесли.

Кучер со всей силы вожжи натянул, совсем назад отвалился — ничего лошади не чувствуют, несут во весь опор, вот-вот бричка перевернется.

Мать детей обхватила и кричит:

— Ой, держите, держите!

А прохожие в стороны шарахаются, к домам жмутся и сами кричат:

— Держите! Держите!

Навстречу возчик с возом сена.

Испугался возчик, скорей в сторону, чуть свой воз не опрокинул и кричит: «Держите! Держите!» А бричка несется, лошади скачут как бешеные. Вот-вот бричка разломается, и все полетят на каменную мостовую со всего разлета.

Вдруг из-за угла выехал красный командир на лошади. А бричка прямо на него несется. Понял командир, в чем дело. Ничего не крикнул, а повернул своего коня и стал бричке наперерез.

Все глядели, ждали, что ускачет командир, как близко подлетят бешеные лошади! А командир стоит, и конь под ним не шелохнется. Вот уж совсем налетает бричка — вдруг лошади опомнились и стали. Чуть-чуть до командира не доехали.

А командир толкнул коня ногой и поехал дальше.

ЦВЕТОК

Жила девочка Настя со своей мамой. Раз Насте подарили в горшочке цветок. Настя принесла домой и поставила на окно.

— Фу, какой гадкий цветок! — сказала мама. — Листья у него точно языки, да еще с колючками. Наверное, ядовитый. Я его и поливать не стану.

Настя сказала:

— Я сама буду поливать. Может быть, у него цветки будут красивые.

Цветок вырос большой-большой, а цвести и не думал.

— Его надо выбросить, — сказала мама, — от него ни красоты, ни радости.

Когда Настя заболела, она очень боялась, что мама выбросит цветок или не будет поливать и он засохнет.

Мама позвала к Насте доктора и сказала:

— Посмотрите, доктор, у меня девочка все хворает и вот совсем слегла.

Доктор осмотрел Настю и сказал:

— Если б вы достали листья одного растения. Они как надутые и с шипами.

— Мамочка! — закричала Настя. — Это мой цветок. Вот он!

Доктор взглянул и сказал:

— Он самый. От него листья варите, и пусть Настя пьет. И она поправится.

— А я его выбросить хотела, — сказала мама.

Мама стала Насте давать эти листья, и скоро Настя встала с постели.

— Вот, — сказала Настя, — я его берегла, мой цветочек, и он меня зато сберег.

И с тех пор мама развела много таких цветов и всегда давала Насте пить из них лекарство.

МЫЛО

Один мальчик все хотел узнать, плавают ли мыло. Вот раз пришел он на кухню. А на кухне стояло ведро, полное воды, а рядом новый кусок мыла. Оглянулся мальчик, видит: никого нет. Взял мыло, положил в воду и пустил. Мыло — юрк! И под воду. Испугался мальчик, что мыло утопил. Убежал из кухни

и никому не сказал.

Все спать легли, и нового мыла никто не хватился.

Наутро мать стала самовар ставить. Видит: воды уж мало в ведре.

Выплеснула все в самовар да скорей по воду, чтоб самовар долить.

Вот сели все за стол, чтобы чай пить. Принесла мать самовар на стол.

Кипит самовар. Все глядят — что за чудо! Из-под крышки пузыри пузырятся, и

все больше и больше. Глядь — и весь самовар в пене.

Вдруг мальчик заплакал и закричал:

— Я думал — оно плавает! — И рассказал, как все было.

— Ах, — сказала мама, — это, значит, я с мылом воду в самовар выплеснула да свежей потом долила.

Отец сказал мальчику:

— Ты бы лучше в тарелке попробовал, чем в ведре его топить. А плакать нечего. Мне вот теперь без чаю на работу идти, а видишь — я не плачу.

Отец потрепал сынишку по плечу и пошел на работу.

В ГОРАХ

Три брата шли в горах по дороге. Они шли вниз. Был вечер, и внизу они уже видели, как засветилось окно в их доме.

Вдруг собрались тучи, стало сразу темно, грянул гром, и полил дождь. Дождь был такой сильный, что по дороге вниз потекла вода, как в речке. Старший сказал:

— Стойте, вот тут скала, она нас немного прикроет от дождя.

Все трое присели под скалой и стали ждать.

Младшему, Ахмету, надоело сидеть, он сказал:

— Я пойду. Чего трусить? До дому недалеко. Не хочу я здесь с вами мокнуть. Поужинаю и в сухой постели переночую.

— Не ходи — пропадешь, — сказал старший.

— Я не трус, — сказал Ахмет и вышел из-под скалы.

Он смело зашагал по дороге — вода ему нипочем.

А вода уж ворочала камни и катила их вниз за собой. Камни догоняли и с разгону били Ахмета по ногам. Он пустился бежать.

Он хотел разглядеть впереди огонек в доме, но дождь так лил, что ничего впереди не было видно.

«Не вернуться ли?» — подумал Ахмет. Но стыдно стало: похвастал — теперь засмеют его братья.

Тут сверкнула молния, и ударил такой гром, будто все горы треснули и повалились. Когда молния осветила, Ахмет не узнал, где он.

«Ой, кажется, я заблудился», — подумал Ахмет и испугался.

Ноги ему избило камнями, и он пошел тише.

Он совсем тихонько ступал и боялся оступиться. Вдруг снова ударила молния, и Ахмет увидал, что прямо перед ним обрыв и черная пропасть.

Ахмет так и сел на землю от страха.

«Вот, — подумал Ахмет, — если б я ступил еще шаг, я сорвался бы вниз и разбился б насмерть».

Теперь ему страшно стало и назад идти. А вдруг опять там обрыв и пропасть.

Он сидел на мокрой земле, и сверху лил на него холодный дождь.

Ахмет только думал:

«Хорошо, что я еще один шаг не ступил: пропал бы я совсем».

А когда настало утро и прошла гроза, братья нашли Ахмета. Он сидел на краю пропасти и весь заоченел от холода.

Братья ему ничего не сказали, а подняли и повели домой.

КАК САША МАМУ НАПУГАЛ

Мама пошла на рынок, а мне сказала:

— Запрись на крючок и никого не пускай, а то, гляди, воры-разбойники придут.

Я не заперся, а как мама ушла, я взял мочалку, натрепал и подвязался — вышло, как борода.

Потом из печки уголь достал и себе усы под носом намазал. На голову я папину майку надел. Посмотрел в зеркало и вижу, что я стал очень страшный.

Тогда я поставил в сенях табурет. Перед табуретом поставил валенки, сам я надел папин тулуп, в руку я взял топор и влез на табурет.

Долго я ждал, вдруг слышу: мама идет. Подергала дверь, дверь и открылась. Как увидела, что такой большой да с топором, так и стала в дверях.

Я поднял руку с топором и сказал:

— Я разбойник.

Вдруг мама засмеялась и говорит:

— Не разбойник ты вовсе, а Сашка. — И столкнула меня с табуретки. — Фу, как перепугал!

А это она потому узнала, что у меня голос тонкий. Потом сказала, чтоб не смел больше, — все-таки, значит, испугалась.

БОРОДА

Один старик шел ночью через лед. И уж совсем подходил к берегу, как вдруг лед подломился, и старик упал в воду. А у берега стоял пароход, и с парохода шла железная цепь в воду к якорю.

Старик добрался до цепи и стал по ней лезть. Вылез немного, устал и стал кричать: «Спасите!»

Матрос на пароходе услышал, поглядел, — а на якорной цепи кто-то прицепился и кричит.

Матрос не стал долго думать, нашел веревку, схватил конец в зубы и полез по цепи вниз спасать старика.

— На, — говорит матрос, — веревку, обвяжись, дедушка, я тебя вытяну.

А дедушка говорит:

— Нельзя меня тянуть: у меня борода к железу примерзла.

Матрос достал нож.

— Отрежь, — говорит, — дед, бороду.

— Нет, — говорит дед. — Как же мне без бороды?

— Не до весны же ты на бороде висеть будешь, — сказал матрос, отхватил ножом бороду, обвязал старика и вытянул его на веревке.

Потом матрос привел его в теплую каюту и говорит:

— Раздевайся, дедушка, да ложись в постель, а я тебе чаю согрею.

— Какой чай, — говорит дед, — коли без бороды я теперь. — И заплакал.

— Смешной ты, дед, — сказал матрос. — Чуть было совсем ты не пропал, а чего бороды жалеть, коли она вырастет.

Стащил с себя старик мокрую одежду и лег в теплую постель.

А наутро сказал матросу:

— Твоя правда: вырастет борода, а без тебя бы я пропал.

КАК МАЛЬЧИК ТОНУЛ

Я шел по берегу и смотрел, как плотники строят пристань. Большущие бревна плавали в воде плотно одно к одному. Их доставали из воды и забивали

в дно, так что из воды торчал целый забор из бревен. Вдруг мне показалось, что там, где плавали сваи, что-то мелькнуло. Я не знал что, а побежал туда. Я не спускал глаз с этого места и бежал со всей силы.

А сбоку я увидел краем глаза: как раз туда бежит телеграфист. Бежит со всех ног и держится за живот. У него на поясе была сумка с телеграммами, и он боялся, что они выпадут.

Телеграфист тоже смотрел в то место, куда глядел и я. Земля там осыпью спускалась к воде, а на воде плавали сваи — плотно, как плот. Телеграфист мне ни слова не сказал, а только ткнул пальцем, укрепился ногами на осыпи и

протянул руку. Я тоже ни слова не сказал, а взял крепко телеграфиста за руку, а сам лег на сваи и просунул руку между ними — в том самом месте, куда

мы оба глядели, не сводя глаз.

Я стал шарить рукой в воде. И вдруг маленькие пальчики попались мне и крепко вцепились в мою руку. Я ухватился тоже. И тут же телеграфист потянул

меня на берег. Сваи разошлись, и вслед за моей рукой вылезла маленькая рука,

а за ней голова, и мы вытащили мальчика. Он был рыжий, лет семи. Он мигал

глазами и ничего не говорил. Подошли плотники. Один взял мальчика, поднял и

потряс над землей. У мальчика вылилась вода из рта. Его поставили на ноги и спросили: как он утонул? Мальчик сказал, что хотел по сваям пройти, а они под ногами разошлись, и он провалился с головой между ними. А потом

сошлись

над ним, как потолок. И сейчас же заплакал:

— А где моя шапка? Где удочка! Я без шапки домой не пойду.

Все стали смеяться: скажи спасибо, что жив остался, а ты о шапке плачешь.

Я нашел его удочку и стал в воде искать его шапку. Зацепил и вытащил. Но это был старый лапоть. Потом еще раз зацепил, и это была мокрая фуражка.

Мальчик стал ее жалеть, что она мокрая. Я пошел. А когда оглянулся, мальчик

все держал фуражку и плакал.

Телеграфист махнул рукой, посмотрел, тут ли телеграммы, и поспешил прочь.

ГАРМОНЬ

У одного дяденьки была гармонь. Он на ней очень хорошо играл, и я приходил слушать. Он ее прятал и никому не давал. Гармонь была очень хорошая, и он боялся, чтобы не сломали. А мне очень хотелось попробовать. Вот раз пришел я, когда дяденька обедал. Он кончил есть, а я стал просить, чтоб сыграл. А он сказал:

— Какая игра! Мне спать охота.

Я стал просить и даже заплакал. Тогда дяденька сказал:

— Ну ладно, разве немножко.

И достал из сундука гармонь. Немножко поиграл, положил гармонь на стол, а сам тут на лавке и заснул.

Я подумал: «Вот когда мне счастье пришло. Тихонько возьму гармонь и на дворе попробую».

Я приловчился, ухватил гармонь за ручку и потянул. А она как рявкнет на все голоса, как живая. Я с испугу и руку отдернул. Тут дяденька вскочил.

— Ты, — говорит, — это что же!

И ко мне, да меня за руку.

Тут я заплакал и сказал всю правду.

— Ну, — сказал дяденька, — не реви: коли у тебя такая охота, приходи, я тебя учить буду.

Я приходил, а дяденька мне показывал, как играть. Я научился и теперь очень хорошо играю.

ПОЖАР

Петя с мамой и с сестрами жил на верхнем этаже, а в нижнем этаже жил учитель. Вот раз мама пошла с девочками купаться. А Петя остался один стеречь квартиру.

Когда все ушли, Петя стал пробовать свою самодельную пушку. Она была из железной трубки. В середину Петя набил пороху, а сзади была дырочка, чтоб зажигать порох. Но сколько Петя ни старался, он не мог никак поджечь. Петя очень рассердился. Он пошел в кухню. Наложил в Плиты щепок, полил их керосином, положил сверху пушку и зажег. «Теперь небось выстрелит!» Огонь разгорелся, загудел в плите — и вдруг как бахнет выстрел! Да такой, что весь огонь из плиты выкинуло.

Петя испугался, выбежал из дому. Никого не было дома, никто ничего не слышал. Петя убежал подальше. Он думал, что, может быть, все само потухнет.

А ничего не потухло. И еще больше разгорелось.

Учитель шел домой и увидел, что из верхних окон идет дым. Он побежал к столбику, где за стеклом была сделана кнопка. Это звонок к пожарным.

Учитель

разбил стекло и надавил кнопку.

У пожарных зазвонило. Они скорей бросились к своим пожарным автомобилям

и помчались во весь дух. Они подъехали к столбику, а там учитель показал им,

где горит. У пожарных на автомобилях был насос. Насос начал качать воду, а пожарные стали заливать огонь водой из резиновых труб. Пожарные приставили

лестницы к окнам и полезли в дом, чтобы узнать, не осталось ли в доме людей.

В доме никого не было. Пожарные стали выносить вещи.

Петина мама прибежала, когда вся квартира была уже в огне. Милиционер никого не пускал близко, чтоб не мешали пожарным.

Самые нужные вещи не успели сгореть, и пожарные принесли их Петинной маме.

А Петина мама все плакала и говорила, что, наверное, Петя сгорел, потому что его нигде не видно.

А Пете было стыдно, и он боялся подойти к маме. Мальчишки его увидели и насильно привели.

Пожарные так хорошо потушили, что в нижнем этаже ничего не сгорело.

Пожарные сели в свои автомобили и уехали назад. А учитель пустил Петину

маму
жить к себе, пока не починят дом.

НАВОДНЕНИЕ

В нашей стране есть такие реки, что не текут все время по одному месту. Такая река то бросится вправо, потечет правее, то через некоторое время, будто ей надоело здесь течь, вдруг переползет влево и зальет свой левый берег. А если берег высокий, вода подмоет его. Крутой берег обвалится в реку, и если на обрыве стоял домик, то полетит в воду и домик. Вот по такой реке шел буксирный пароход и тащил две баржи. Пароход остановился у пристани, чтобы там оставить одну баржу, и тут к нему с берега приехал начальник и говорит:

— Капитан, вы пойдете дальше. Будьте осторожны, не сядьте на мель: река ушла сильно вправо и теперь течет совсем по другому дну. И сейчас она идет все правее и правее и затопляет и подмывает берег.

— Ох, — сказал капитан, — мой дом на правом берегу, почти у самой воды. Там остались жена и сын. Вдруг они не успели убежать?!

Капитан приказал пустить машину самым полным ходом. Он спешил скорей к

своему дому и очень сердился, что тяжелая баржа задерживает ход. Пароход немного проплыл, как вдруг его сигналом потребовали к берегу.

Капитан поставил баржу на якорь, а пароход направил к берегу.

Он увидел, что на берегу тысячи людей с лопатами, с тачками спешат — возят землю, насыпают стенку, чтобы не пустить реку залить берег. Возят на верблюдах деревянные бревна, чтоб их забивать в берег и укреплять стенку.

А

машина с высокой железной рукой ходит по стенке и ковшом нагребает на нее землю.

К капитану прибежали люди и спросили:

— Что в барже?

— Камень, — сказал капитан.

Все закричали:

— Ах, как хорошо! Давайте сюда! А то вон смотрите, сейчас река прорвет стенку и размочет всю нашу работу. Река бросится на поля и смочет все посева. Будет голод. Скорей, скорей давайте камень!

Тут капитан забыл и про жену и про сына. Он пустил пароход что есть духу и привел баржу под самый берег.

Люди стали таскать камень и укрепили стенку. Река остановилась и дальше

не пошла. Тогда капитан спросил:

— Не знаете ли, как у меня дома?

Начальник послал телеграмму, и скоро пришел ответ. Там тоже работали все люди, какие были, и спасли домик, где жила жена капитана с сыном.

— Вот, — сказал начальник, — здесь вы помогли нашим, а там товарищи спасли ваших.

КАК УТОНУЛ ПАРОХОД

Была война. Люди боялись, чтобы враги не приплыли к их земле на военных кораблях. Военные корабли из пушек могут все на берегу разбить. А потом могут привезти с собой солдат и высадить их на берег.

Так вот, чтоб военные корабли боялись подходить к берегу, в море пускали большие круглые железные коробки. Эта коробка так устроена, что если

за нее заденет пароход, то она сейчас же взорвется. Да с такой силой, что непременно сделает дырку в пароходе. И в пароход начнет набираться вода, и

тогда он может потонуть.

Эти коробки называют минами. Чтобы мины никуда не уносило и чтобы они стояли около берега в воде, их привязывают проволоочной веревкой к тяжелым

якорям. Якоря крепко лежат на дне и держат мины. Чтобы их сверху не было видно, проволоочную веревку делают покороче, так что мина сидит под водой, но

не очень глубоко. Пароход над ней не пройдет, непременно дном зацепит.

Когда

воевали, много военных кораблей наскакивало на мины. Мины взрывались и топили корабли.

Но вот кончилась война. Вынули из воды мины. А когда подсчитали, то вышло, что вынули не все. Немного мин еще осталось в море. Их не могли найти. По морю стали ходить простые пароходы, а не военные. Простые пароходы

перевозили людей и товары из порта в порт, из страны в страну.

Один пароход шел с грузом. Дело было летом, и была спокойная погода. Пароход проходил мимо рыбаков, и с парохода все смотрели, как рыбаки поднимают сети и много ли попало рыбы.

Вдруг раздался такой удар, будто гром. Пароход трянуло, и из-под борта взлетел в воздух сноп воды выше мачты. Это пароход толкнул мину, и она взорвалась. Пароход стал быстро тонуть.

Рыбаки оставили сети, подплыли на лодках к пароходу и взяли всех людей. Капитан долго не хотел уходить. Ему было жалко парохода. Он думал, что, может быть, пароход можно как-нибудь спасти и он не утонет. Но все видели, что пароход все равно утонет. И капитана силой взяли в лодку. Пароход пошел на дно вместе с грузом.

КАК ПОДНЯЛИ ПАРОХОД СО ДНА

Пароход опустился на дно и лег, наклонившись набок. У него была большая пробоина, и он весь был наполнен водой. Вода была там, где стоит машина; вода была в каютах, где жили люди; вода была в трюмах, где лежал товар. Маленькие рыбки заходили заглянуть, нет ли чем поживиться. Капитан очень хорошо знал место, где утонул его пароход. Там было не очень глубоко: туда могли спуститься водолазы. Пароход решили поднять! Пришел спасательный пароход и стал спускать под воду водолазов. Водолазы все одеты в резиновые костюмы: через них вода не проходит. Грудь и воротник у этого костюма — медные. Голову водолаза закрывают медным колпаком. Этот колпак привинчивают к воротнику. А в медном колпаке есть стеклянное окошечко — чтобы водолазу смотреть. И еще в этот колпак идет резиновая труба, в нее сверху качают воздух, чтобы водолаз под водой мог дышать. Водолазы привязали к пароходу большущие бидоны — понтоны. В эти понтоны напустили по трубам воздух. Понтоны поплыли вверх, потянули с собой пароход. Когда пароход всплыл, все обрадовались, и больше всех капитан. Пароход на буксире повели в починку. На нем был только один человек. Это капитан скорей захотел пойти на свой пароход. Двадцать дней чинили пароход — и заделали пробоину.

ПОЖАР В МОРЕ

Один пароход шел в море с грузом угля. Еще дня три надо было пароходу идти до места. Вдруг к капитану прибежал механик из машинного отделения и сказал:
— Нам попался очень плохой уголь, он сам загорелся у нас в трюме.

— Так заливайте его водой! — сказал капитан.

— Поздно! — ответил помощник капитана. — Очень разгорелось. Это все равно что лить воду на горячую плиту. Будет столько пару, как в паровом котле.

Капитан сказал:

— Тогда закупорьте помещение, где горит уголь, так плотно, чтобы было как в закупоренной бутылке. И огонь потухнет.

— Постараюсь! — сказал помощник капитана и побежал распорядиться.

А капитан повернул пароход прямо к берегу — в ближайший порт. Он дал в этот порт телеграмму по радио: «У меня загорелся уголь. Полным ходом иду к

вам». А оттуда ответили: «Держитесь, сколько можете. Помощь идет».

Все на пароходе знали, что у них загорелся уголь, и старались, кто как мог, закупорить этот уголь так, чтоб к нему не прошел воздух. Но уже нагрелась стенка, которая отделяла уголь. Все уже знали, что вот сейчас огонь вырвется наружу и будет страшный пожар.

А с моря пришли по радио телеграммы с трех спасательных пароходов, что они спешат на помощь полным ходом.

Помощник капитана влез на мачту, чтобы с высоты скорей увидеть, где пароходы. Пароходов долго не было видно, и матросы уже думали, что придется

спустить шлюпки и уехать с парохода.

Вдруг вырвалось из трюма пламя и поднялся такой пожар, что к шлюпкам нельзя было пройти. Все в ужасе закричали. Не испугался только помощник капитана, который стоял на мачте.

Он показывал вдаль рукой. И все увидали, что там, вдали, к ним спешат три парохода. Люди обрадовались, бросились тушить пожар сами, как могли.

А

спасательные пароходы как подошли, так столько пожарных машин пустили в ход,

что скоро потушили весь пожар.

Потом увели пароход в порт, а в порту его починили, и через месяц он пошел дальше.

НА ЛЬДИНЕ

Зимой море замерзло. Рыбаки всем колхозом собрались на лед ловить рыбу. Взяли сети и поехали на санях по льду. Поехал и рыбак Андрей, а с ним его сынишка Володя. Выехали далеко-далеко. И куда кругом ни глянь, все лед и лед: это так замерзло море. Андрей с товарищами заехал дальше всех.

Наделали

во льду дырок и сквозь них стали запускать сети. День был солнечный, всем было весело. Володя помогал выпутывать рыбу из сетей и очень радовался, что

много ловилось. Уже большие кучи мороженой рыбы лежали на льду.

Володин папа

сказал:

— Довольно, пора по домам.

Но все стали просить, чтоб остаться ночевать и с утра снова ловить.

Вечером поели, завернулись поплотней в тулупы и легли спать в санях.

Володя

прижался к отцу, чтоб было теплей, и крепко заснул.

Вдруг ночью отец вскочил и закричал:

— Товарищи, вставайте! Смотрите, ветер какой! Не было бы беды!

Все вскочили, забегали.

— Почему нас качает? — закричал Володя.

А отец крикнул:

— Беда! Нас оторвало и несет на льдине в море.

Все рыбаки бегали по льдине и кричали:

— Оторвало, оторвало!

А кто-то крикнул:

— Пропали!

Володя заплакал. Днем ветер стал еще сильнее, волны заплескивали на льдину, а кругом было только море. Володин папа связал из двух шестов мачту,

привязал на конце красную рубаху и поставил, как флаг. Все глядели, не видать ли где парохода. От страха никто не хотел ни есть ни пить. А Володя лежал в санях и смотрел в небо: не глянет ли солнышко. И вдруг в прогалине между туч Володя увидел самолет и закричал:

— Самолет! Самолет!

Все стали кричать и махать шапками. С самолета упал мешок. В нем была еда и записка: «Держитесь! Помощь идет!» Через час пришел пароход и перегрузил к себе людей, сани, лошадей и рыбу. Это начальник порта узнал, что на льдине унесло восьмерых рыбаков. Он послал им на помощь пароход и самолет. Летчик нашел рыбаков и по радио сказал капитану парохода, куда идти.

ПОЧТА

На севере, где живут ненцы, даже весной, когда уже всюду стаял снег, все еще стоят морозы и бывают сильные метели.

Вот раз весной ненецкий почтальон должен был везти почту из одного ненецкого села в другое. Недалеко — всего тридцать километров.

У ненцев очень легкие санки — нарты. В них они запрягают оленей. Олени мчат вихрем, быстрее всяких лошадей.

Почтальон вышел утром, посмотрел на небо, помял рукой снег и подумал: «Будет метель с полдня. А я сейчас запрягу и успею проскочить раньше метели».

Он запряг четырех лучших своих оленей, надел на себя малицу — меховой халат с капюшоном, меховые сапоги и взял в руки длинную палку. Этой палкой

он будет погонять оленей, чтоб они шибче бежали.

Почтальон привязал почту покрепче к нартам, вскочил на сани, сел бочком и пустил оленей во весь дух.

Он уже выезжал из села, как вдруг навстречу — его сестра. Она замахала руками и крикнула:

— Стой!

Почтальон рассердился, а все-таки остановил. Сестра стала просить почтальона, чтоб он захватил с собой ее дочку к бабушке. Почтальон крикнул:

— Скорей! А то метель будет.

Но сестра долго провозилась, пока кормила и собирала девочку. Почтальон посадил девочку перед собой, и олени помчались. А почтальон еще подгонял их, чтобы успеть проехать до метели.

С полпути начал дуть ветер — прямо навстречу. Было солнце, и снег блестел, а тут вдруг стемнело, снег закружился, и не стало даже видно передних оленей.

Олени начали вязнуть в снегу и остановились.

Почтальон отпряг оленей, сани поставил стоймя, привязал к ним свою длинную палку, а к концу палки привязал девочкин пионерский галстук. А сам

обтопал место около саней, положил туда почту, уложил оленей, лег и прижался

к ним с девочкой. Их скоро занесло снегом, а почтальон раскопал под снегом пещеру, и вышло как снежный дом. Там было тихо и тепло.

А в том селе, куда ехал почтальон, увидели, что метель, а его нет, и спросили по телефону, выехал ли он. И все поняли, что почтальона захватила

метель. Ждали, когда метель пройдет.

На другой день метель все не утихала, но снег летал ниже. На оленях нельзя было ехать искать почтальона, проехать могли только аэросани. Они

—

как домик на полозьях, а бегут вперед потому, что у них есть мотор. Мотор вертит воздушный винт, такой, как у самолета.

В аэросани сели доктор, шофер и два человека с лопатами. И аэросани побежали по той дороге, где ехал почтальон.

Вдруг над низкой метелью, как будто флаг из воды, увидели палку с пионерским галстуком.

Аэросани подъехали и остановились. Сейчас же раскопали почтальона, девочку и оленей. Почтальон сразу спросил:

— А еду привезли? Девочка плачет.

— Даже горячую, — сказал доктор и отнес девочку в аэросани.

Пока почтальон и девочка обогревались, прошла метель.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ «ПАРТИЗАНА»

На заводе сделали пароход. Его строили на берегу и вот теперь спускают в воду.

Назвали пароход — «Партизан».

«Партизан», совсем готовый, стоит у пристани, и в него кладут груз. Ему назначили идти в Ледовитый океан. Там никогда не тает лед. Там на далеком острове люди ждут не дождутся парохода. Им нужны доски для постройки дома,

нужны мука, сахар, овощи, молоко. «Партизан» везет им даже живую корову.

«Партизан» очень торопится. Если его застанет зима, ему не выбраться изо льда без помощи ледокола и не вернуться назад.

Машина работает полным ходом. «Партизан» идет днем и ночью. По ночам зажигаются огни: белые на мачтах, а по бокам красный и зеленый, чтобы встречные пароходы не натолкнулись на него.

Вдруг поднялась страшная буря. Идти вперед стало трудно. Огромные волны рвались на пароход. Но «Партизан» был крепкий и сильный пароход: он шел сквозь ветер и волны все вперед и вперед. Капитан знал: на далеком острове ждут люди. Если он запоздает и его захватит в пути зима, они останутся без хлеба.

Но вот капитан увидел: гибнет в море парусный корабль. Нужно спасти людей! С «Партизана» перекинули веревку, а на паруснике прикрепили ее к мачте. К веревке привязали корзину, и в ней перетаскивали людей на

«Партизан». Всех спасли и отправились дальше. Все скорей, скорей!.. Уже полпути прошел «Партизан» благополучно. Но тут поднялся на море туман. Ничего кругом не видно, как будто в молоке плывешь. «Партизан» идет

медленно и гудит в гудок, чтоб не столкнуться. Как вдруг совсем близко показался другой пароход. Капитан хотел повернуть, но было уже поздно. Встречный пароход ударил «Партизана» в бок и пробил большую дыру. Но «Партизан» не потонул. Пробоина была в борту над водой. Пришлось идти в порт, чтобы зачинить пробоину. Капитан просил, чтобы чинили скорее.

Надо было до зимы успеть на далекий остров. На месте пробоины поставили новый железный лист, и «Партизан» опять стал как новый.

Теперь «Партизан» спешил больше прежнего и все-таки не успел: льды окружили его со всех сторон.

Не пробить «Партизану» льда.

Но тут помог ему пароход-ледокол. Ледоколу лед нипочем. Он его разбивает и делает среди льда канал, похожий на речку с ледяными берегами.

По этой речке за ледоколом и пошел «Партизан».

Так за ледоколом прошел «Партизан» к острову, где его давно ждали люди. Капитан все рассказал, что с ним было в пути. И все радовались, что пароход все-таки пришел до зимы. Стали скорее выгружать сахар, муку, доски, а корову

свели по сходам. Потом на пароход нагрузили звериные шкуры, моржовые клыки

— все, что наловили и настреляли за целый год.

На севере был уже мороз, когда «Партизан» пошел домой.

В море налетела на корабль морозная буря, волны захлестывали палубу, и вода замерзала. От тяжести льда пароход мог перевернуться. Люди скалывали

лед три дня и три ночи без отдыха и спасли «Партизан».

Чем ближе к дому, тем становилось теплей. А когда пришли домой, было уже совсем тепло и светило солнышко. Пароход украсили флагами. На пристани

его встречали люди; они махали шапками и кричали «ура». Все были рады, что

«Партизан» не замерз во льдах.

Он доставил все необходимое людям на острове. А оттуда привез много мехов и шкур, и тюленьего жира, и соленой рыбы, и моржовых клыков, и

даже
живого белого мишку для зоосада.

ОБВАЛ

Девочка Валя ела рыбу и вдруг подавилась косточкой. Мама закричала:
— Съешь скорее корку!

Но ничего не помогало. У Вали текли из глаз слезы. Она не могла
говорить, а только хрипела, махала руками. Мама испугалась и побежала
звать

доктора. А доктор жил за сорок километров. Мама сказала ему по телефону,
чтоб он скорей-скорей приезжал. Доктор сейчас же собрал свои щипчики,
сел в

автомобиль и поехал к Вале. Дорога шла по берегу. С одной стороны было
море,

а с другой стороны крутые скалы. Автомобиль мчался во весь дух. Доктор
очень

боялся за Валю. Вдруг впереди загремело, и шофер остановил автомобиль.
Это

одна скала рассыпалась на камни и засыпала дорогу. Ехать стало нельзя, и
доктор чуть не заплакал. Оставалось еще далеко. Но доктор все равно хотел
идти пешком. Вдруг сзади затрубил гудок. Шофер посмотрел назад и сказал:
— Погодите, доктор, помощь идет!

А это спешил грузовик. Он подъехал к завалу. Из грузовика выскочили
люди. Они сняли с грузовика машину-насос и резиновые трубы. И провели
трубу

в море. Насос заработал. По трубе он сосал из моря воду, а потом гнал ее в
другую трубу. Из этой трубы вода вылетала со страшной силой. Она с такой
силой вылетала, что конец трубы людям нельзя было удержать: так он трясся
и

бился. Его привинтили к железной подставке и направили воду прямо на
обвал.

Получилось, как будто стреляют водой из пушки. Вода так сильно била по
обвалу, что сбивала глину и камни и уносила их в море. Весь обвал вода
смывала с дороги.

— Скорей едем! — крикнул доктор шоферу.

Шофер пустил машину. Доктор приехал к Вале, достал свои щипчики и вынул
из горла косточку. А потом сел и рассказал Вале, как завалило дорогу и как
насос-гидротаран размыл обвал.

ДЫМ

Никто этому не верит. А пожарные говорят:

— Дым страшнее огня. От огня человек убегает, а дыму не боится и лезет в него. И там задыхается. И еще — в дыму ничего не видно. Не видно, куда бежать, где двери, где окна. Дым ест глаза, кусает в горле, щиплет в носу. И пожарные надевают на лицо маски, а в маску по трубке идет воздух. В такой маске можно долго быть в дыму, но только все равно ничего не видно. И вот один раз тушили пожарные дом. Жильцы выбежали на улицу. Старший пожарный крикнул:

— А ну, посчитайте, все ли?

Одного жильца не хватало.

И мужчина закричал:

— Петька-то наш в комнате остался!

Старший пожарный послал человека в маске найти Петьку. Человек вошел в комнату.

В комнате огня еще не было, но было полно дыму. Человек в маске обшарил всю комнату, все стены и кричал со всей силы через маску:

— Петька, Петька! Выходи, сгоришь! Подай голос!

Но никто не отвечал. Человек услышал, что валится крыша, испугался и ушел.

Тогда старший пожарный рассердился:

— А где Петька?

— Я все стены обшарил, — сказал человек.

— Давай маску! — крикнул старший.

Человек начал снимать маску. Старший видит: потолок уже горит. Ждать некогда.

И старший не стал ждать; окунул рукавицу в ведро, заткнул ее в рот и бросился в дым.

Он сразу бросился на пол и стал шарить. Наткнулся на диван и подумал: «Наверное, он туда забился, там меньше дыму».

Он сунул руку под диван и нащупал ноги. Старший пожарный схватил их и потянул вон из комнаты.

Он вытянул человека на крыльцо. Это и был Петька. А пожарный стоял и шатался. Так его заел дым.

А тут как раз рухнул потолок, и вся комната загорелась.

Петьку отнесли в сторону и привели в чувство. Он рассказал, что со страху забился под диван, заткнул уши и закрыл глаза. А потом не помнит, что

было.

А старший пожарный для того взял рукавицу в рот, что через мокрую тряпку в дыму дышать легче.

После пожара старший сказал пожарному:

— Чего по стенам шарил? Он не у стенки тебя ждать будет. Коли молчит, так, значит, задохнулся и на полу валяется. Обшарил бы пол да койки, сразу бы и нашел.

СКАТ

Один старик пошел утром на море удить рыбу. Он пошел по берегу поискать, где б получше.

Вдруг видит: недалеко от берега торчат из воды камни, а на камнях сидят двое с удочками и то и дело рыбу вытягивают.

«Ну-ка и я с ними», — подумал старик. Разделся, взял одежду в охапку, пошел вброд к камням, где сидели рыболовы.

Он вошел уж по грудь в воду, как вдруг вскрикнул, выпустил удочку и одежду, опрокинулся назад и пошел под воду.

Рыболовы оглянулись, бросили удочки и кинулись спасать старика.

Когда они вытащили его на берег, то увидели, что у старика живот разрезан, как ножом, и кровь течет ручьем.

Младший испугался и говорит:

— Дядя Вася, я боюсь, старик сейчас помрет, вон и глаза закрыл.

А дядя Вася сказал:

— Это его скат ударил, рыба такая. Ты, Федька, здесь стой, а я побегу, тут доктор живет, приведу.

И дядя Вася побежал бегом что было мочи.

Федя отвернулся, боялся на старика глядеть и думал, что умер уже старик, потому что он не охал и ничего не говорил.

Вдруг видит Федя: бежит дядя Вася, а за ним доктор.

Тогда Федя оглянулся на старика, а он глазами моргает.

Федя вскочил и побежал навстречу доктору и стал кричать во весь голос:

— Моргает, моргает!

А доктор расстелил на песке простыню и говорит:

— Осторожно берем, кладем его на простыню.

Тут старик застонал и говорит:

— Ой, не трожьте меня, дайте помереть спокойно.

— Помереть успеешь, — сказал доктор и велел нести старика в дом, да скорей.

Федя с дядей Васей понесли старика на простыне, как могли скорей, а

доктор вперед бегом побежал.

У доктора положили старика на стол, и доктор сказал, что пусть все уйдут.

Пошли дядя Вася с Федей к своим удочкам, а дядя Вася и говорит:

— Это рыба такая есть — скат, у ней хвост, а на хвосте тонкая пилочка.

Как махнет скат хвостом, так этой пилочкой может и лошади ноги подрезать.

Он

спал, должно быть, на дне, а старик не видал и наступил на ногой. Он взвился да и резанул старика по животу. Ну, — говорит дядя Вася, — пришли! Идем на

каменя.

— Нет, — говорит Федя, — я уж не пойду. Иди сам.

— Ну, — сказал дядя Вася, — ската уж спугнули, он уж куда теперь уплыл!

А боишься, так я вперед пойду, ты за мной.

И пошел. Феде стыдно стало, и он пошел следом.

А вечером они зашли к доктору спросить, как старик, жив ли.

Доктор вышел, говорит:

— Вот хорошо, что меня скоро позвали. Жив старик. Я ему живот зашил, авось выздоровеет.

Через неделю пустил доктор Федю с дядей Васей старика посмотреть.

— А я уж думал, что помру, — сказал старик, — да вот доктору спасибо, не дал помереть.

А доктор сказал:

— Ты вот им спасибо скажи, что вытащили.

А Федя сказал:

— Это дядя Вася доктора позвал; полетел, что пуля.

— Эх, — сказал старик, — чем же я вас благодарить буду? Нет у меня ничего. Только вот разве рыбы наловлю да вас всех позову уху хлебать.

РАЗИНЯ

Девочку Сашу мама послала в кооператив. Саша взяла корзинку и пошла.

Мама ей вслед крикнула:

— Смотри, сдачу-то не забудь взять. Да гляди, чтоб кошелек у тебя не вытащили!

Вот Саша заплатила в кассе, кошелек положила в корзинку на самое дно, а сверху ей насыпали в корзинку картошки. Положили капусту, луку — полна корзинка. А ну-ка, вытащи оттуда кошелек! Саша-то вон как хитро придумала от

воров!

Вышла из кооператива и тут вдруг забоялась: ой, кажется, сдачу-то опять забыла взять, а корзинка тяжелючая! Ну, на одну минутку Саша поставила корзинку у дверей, подскочила к кассе:

— Тетенька, вы мне, кажется, сдачи не дали.

А кассирша ей из окошка:

— Не могу я всех помнить.

А в очереди кричат:

— Не задерживай!

Саша хотела взять корзинку и уж так, без сдачи, идти домой. Глядь, а корзинки нет. Вот перепугалась Саша! Заплакала да как закричит во весь голос:

— Ой, украли, украли! Корзинку мою украли! Картошку, капусту!

Люди обступили Сашу, ахают и бранят ее:

— Кто ж вещи свои так бросает! Так тебе и надо!

А заведующий выскочил на улицу, вынул свисток и начал свистеть: милицию звать. Саша думала, что сейчас ее в милицию заберут за то, что она разиня, и еще громче заревела. Пришел милиционер.

— В чем тут дело? Чего девочка кричит?

Тут милиционеру рассказали, как обокрали Сашу.

Милиционер говорит:

— Сейчас устроим, не плачь.

И стал говорить по телефону.

Саша боялась домой идти без кошелька и корзинки. И тут стоять ей тоже страшно было. А ну как милиционер в милицию сведет?

А милиционер пришел и говорит:

— Ты никуда не уходи, стой здесь!

И вот приходит в магазин человек с собакой на цепочке. Милиционер на Сашу показал:

— Вот у нее украли, вот у этой девочки.

Все расступились, человек подвел собаку к Саше. Саша думала, что собака ее сейчас начнет кусать. Но собака только ее нюхала и фыркала. А милиционер

в это время спрашивал Сашу, где она живет.

Саша просила милиционера, чтобы он ничего маме не говорил. А он смеялся, и все кругом тоже смеялись. А тот человек с собакой уже ушел.

Милиционер тоже ушел. А Саша боялась домой идти. Села в угол прямо на пол. Сидит — ждет, что будет.

Она долго там сидела. Вдруг слышит — мама кричит:

— Саша, Сашенька, ты здесь, что ли?

Саша как крикнет:

— Тута! — и вскочила на ноги.

Мама схватила ее за руку и привела домой.

А дома в кухне стоит корзина с картошкой, капустой и луком. Мама рассказала, что собака повела того человека по нюху следом за вором, нагнала

вора и схватила зубами за руку. Вора отвели в милицию, корзинку у него отобрали и принесли маме. А вот кошелек не нашли, так он и пропал с деньгами вместе.

— И вовсе не пропал! — сказала Саша и перевернула корзинку. Картошка высыпалась, и кошелек со дна выпал.

— Вот какая я умная! — говорит Саша.

А мама ей:

— Умная, да разиня.

БЕЛЫЙ ДОМИК

Мы жили на море, и у моего папы была хорошая лодка с парусами. Я отлично умел на ней ходить — и на веслах и под парусами. И все равно одного

меня папа никогда в море не пускал. А мне было двенадцать лет.

Вот раз мы с сестрой Ниной узнали, что отец на два дня уезжает из дому, и мы затеяли уйти на шлюпке на ту сторону; а на той стороне залива стоял очень хорошенький домик: беленький, с красной крышей. А кругом домика росла

рощица. Мы там никогда не были и думали, что там очень хорошо. Наверно, живут добрые старик со старушкой. А Нина говорит, что непременно у них собачка и тоже добрая. А старики, наверное, простоквашу едят и нам обрадуются и простокваши дадут.

И вот мы стали копить хлеб и бутылки для воды. В море-то ведь вода соленая, а вдруг в пути пить захочется?

Вот отец вечером уехал, а мы сейчас же налили в бутылки воды потихоньку от мамы. А то спросит: зачем? — и тогда все пропало.

Чуть только рассвело, мы с Ниной тихонько вылезли из окошка, взяли с собой наш хлеб и бутылки в шлюпку. Я поставил паруса, и мы вышли в море. Я

сидел как капитан, а Нина меня слушалась как матрос.

Ветер был легонький, и волны были маленькие, и у нас с Ниной выходило, будто мы на большом корабле, у нас есть запасы воды и пищи, и мы идем в другую страну. Я правил прямо на домик с красной крышей. Потом я велел

сестре готовить завтрак. Она наломала меленько хлеба и откупорила бутылку

с водой. Она все сидела на дне шлюпки, а тут, как встала, чтобы мне подать, да как глянула назад, на наш берег, она так закричала, что я даже вздрогнул:

— Ой, наш дом еле видно! — и хотела реветь.

Я сказал:

— Рева, зато старичков домик близко.

Она поглядела вперед и еще хуже закричала:

— И старичков домик далеко: нисколько мы не подъехали. А от нашего дома уехали!

Она стала реветь, а я назло стал есть хлеб как ни в чем не бывало. Она редела, а я приговаривал:

— Хочешь назад, прыгай за борт и плыви домой, а я иду к старичкам.

Потом она попила из бутылки и заснула. А я все сижу у руля, и ветер не меняется и дует ровно. Шлюпка идет гладко, и за кормой вода журчит.

Солнце

уже высоко стояло.

И вот я вижу, что мы совсем близко уж подходим к тому берегу и домик хорошо виден. Вот пусть теперь Нинка проснется да глянет — вот обрадуется! Я

глядел, где там собачка. Но ни собачки, ни старичков видно не было.

Вдруг шлюпка споткнулась, стала и наклонилась набок. Я скорей опустил парус, чтобы совсем не опрокинуться. Нина вскочила. Спросонья она не знала,

где она, и глядела, вытаращив глаза. Я сказал:

— В песок ткнулись. Сели на мель. Сейчас я спихну. А вон домик.

Но она и домику не обрадовалась, а еще больше испугалась. Я разделся, прыгнул в воду и стал спихивать.

Я выбился из сил, но шлюпка ни с места. Я ее клонил то на один, то на другой борт. Я спустил паруса, но ничто не помогло.

Нина стала кричать, чтобы старичок нам помог. Но было далеко, и никто не выходил. Я велел Нинке выпрыгнуть, но и это не облегчило шлюпку:

шлюпка

прочно вкопалась в песок. Я пробовал пойти вброд к берегу. Но во все стороны

было глубоко, куда ни сунься. И никуда нельзя было уйти. И так далеко, что и доплыть нельзя.

А из домика никто не выходил. Я поел хлеба, запил водой и с Ниной не говорил. А она плакала и приговаривала:

— Вот завез, теперь нас здесь никто не найдет. Посадил на мель среди моря. Капитан! Мама с ума сойдет. Вот увидишь. Мама мне так и говорила: «Если с вами что, я с ума сойду».

А я молчал. Ветер совсем затих. Я взял и заснул.

Когда я проснулся, было совсем темно. Нинка хныкала, забившись в самый нос, под скамейку. Я встал на ноги, и шлюпка под ногами качнулась легко и свободно. Я нарочно качнул ее сильнее. Шлюпка на свободе. Вот я обрадовался-то! Ура! Мы снялись с мели. Это ветер переменялся, нагнал воды,

шлюпку подняло, и она сошла с мели.

Я огляделся. Вдали блестили огоньки — много-много. Это на нашем берегу: крохотные, как искорки. Я бросился поднимать паруса. Нина вскочила и думала

сначала, что я с ума сошел. Но я ничего не сказал.

А когда уже направил шлюпку на огоньки, сказал ей:

— Что, рева? Вот и домой идем. А реветь нечего.

Мы всю ночь шли. Под утро ветер перестал. Но мы были уже под берегом.

Мы на веслах догреблись до дому. Мама и сердилась и радовалась сразу. Но мы

выпросили, чтобы отцу ничего не говорила.

А потом мы узнали, что в том домике уж целый год никто не живет.

КАК Я ЛОВИЛ ЧЕЛОВЕЧКОВ

Когда я был маленький, меня отвезли жить к бабушке. У бабушки над столом была полка. А на полке парходик. Я такого никогда не видал. Он был совсем настоящий, только маленький. У него была труба: желтая и на ней два

черных пояса. И две мачты. А от мачт шли к бортам веревочные лесенки. На корме стояла будочка, как домик. Полированная, с окошечками и дверкой. А уж

совсем на корме — медное рулевое колесо. Снизу под кормой — руль. И блестел

перед рулем винт, как медная розочка. На носу два якоря. Ах, какие замечательные! Если б хоть один у меня такой был!

Я сразу запросил у бабушки, чтоб поиграть парходиком. Бабушка мне все позволяла. А тут вдруг нахмурилась:

— Вот это уж не проси. Не то играть — трогать не смей. Никогда! Это для меня дорогая память.

Я видел, что, если и заплакать, — не поможет.

А парходик важно стоял на полке на лакированных подставках. Я глаз от него не мог оторвать.

А бабушка:

— Дай честное слово, что не прикоснешься. А то лучше спрячу-ка от греха.

И пошла к полке.

Я чуть не заплакал и крикнул всем голосом:

— Честное-расчестное, бабушка. — И схватил бабушку за юбку.

Бабушка не убрала парходика.

Я все смотрел на парходик. Влезал на стул, чтоб лучше видеть. И все больше и больше он мне казался настоящим. И непременно должна дверца в будочке отворяться. И наверно, в нем живут человечки. Маленькие, как раз по

росту парходика. Выходило, что они должны быть чуть ниже спички. Я стал ждать, не поглядит ли кто из них в окошечко. Наверно, подглядывают. А когда

дома никого нет, выходят на палубу. Лазят, наверно, по лестничкам на мачты.

А чуть шум — как мыши: юрк в каюту. Вниз — и притаятся. Я долго глядел, когда был в комнате один. Никто не выглянул. Я спрятался за дверь и глядел в

щелку. А они хитрые, человечки проклятые, знают, что я подглядываю. Ага! Они

ночью работают, когда никто их спугнуть не может. Хитрые.

Я стал быстро-быстро глотать чай. И запросился спать.

Бабушка говорит:

— Что это? То тебя силком в кровать не загонишь, а тут этакую рань и спать просишься.

И вот, когда улеглись, бабушка погасила свет. И не видно парходика. Я ворочался нарочно, так что кровать скрипела.

Бабушка:

— Чего ты все ворочаешься?

— А я без света спать боюсь. Дома всегда ночник зажигают. — Это я наврал: дома ночью темно наглухо.

Бабушка ругалась, однако встала. Долго ковырялась и устроила ночник. Он плохо горел. Но все же было видно, как блестел парходик на полке.

Я закрылся одеялом с головой, сделал себе домик и маленькую дырочку. И из дырочки глядел не шевелясь. Скоро я так присмотрелся, что на

пароходике

мне все стало отлично видно. Я долго глядел. В комнате было совсем тихо. Только часы тикали. Вдруг что-то тихонько зашуршало. Я насторожился — шорох

этот на пароходике. И вот будто дверка приоткрылась. У меня дыхание сперло.

Я чуть двинулся вперед. Проклятая кровать скрипнула. Я спугнул человечка! Теперь уж нечего было ждать, и я заснул. Я с горя заснул.

На другой день я вот что придумал. Человечки, наверно же, едят что-нибудь. Если дать им конфету, так это для них целый воз. Надо отломить от леденца кусок и положить на пароходик, около будочки. Около самых дверей.

Но такой кусок, чтоб сразу в ихние дверцы не пролез. Вот они ночью двери откроют, выглянут в щелочку. Ух ты! Конфетища! Для них это — как ящик целый.

Сейчас выскочат, скорей конфетину к себе тащить. Они ее в двери, а она не лезет! Сейчас сбегают, принесут топорики — маленькие-маленькие, но совсем

всамделишные — и начнут этими топориками тюкать: тюк-тюк! тюк-тюк! И скорей

пропирать конфетину в дверь. Они хитрые, им лишь бы все вертко. Чтоб не поймали. Вот они завозятся с конфетиной. Тут, если я и скрипну, все равно им не поспеть: конфетина в дверях застрянет — ни туда, ни сюда. Пусть убегут, а все равно видно будет, как они конфетину тащили. А может быть, кто-нибудь с

перепугу топорик упустит. Где уж им будет подбирать! И я найду на пароходике

на палубе малюсенький настоящий топорик, остренький-преостренький.

И вот я тайком от бабушки отрубил от леденца кусок, как раз какой хотел. Выждал минуту, пока бабушка в кухне возилась, раз-два — на стол ногами, и положил леденец у самой дверки на пароходике. Ихних полшага от

двери до леденца. Слез со стола, рукавом затер, что ногами наследил.

Бабушка

ничего не заметила.

Днем я тайком взглядывал на пароходик. Повела бабушка меня гулять. Я боялся, что за это время человечки утянут леденец и я их не поймаю. Я дорогой нюнил нарочно, что мне холодно, и вернулись мы скоро. Я глянул первым делом на пароходик! Леденец как был — на месте. Ну да! Дураки

они

днем браться за такое дело!

Ночью, когда бабушка заснула, я устроился в домике из одеяла и стал глядеть. На этот раз ночник горел замечательно, и леденец блестел, как льдинка на солнце, острым огоньком. Я глядел, глядел на этот огонек и заснул, как назло! Человечки меня перехитрили. Я утром глянул — леденца не было, а встал я раньше всех, в одной рубашке бегал глядеть. Потом со стула глядел — топорика, конечно, не было. Да чего же им было бросать: работали не спеша, без помехи, и даже крошечки ни одной нигде не валялось — все подобрали.

Другой раз я положил хлеб. Я ночью даже слышал какую-то возню. Проклятый ночник еле коптел, я ничего не мог рассмотреть. Но наутро хлеба не было. Чуть только крошек осталось. Ну, понятно, им хлеба-то не особенно жалко, не конфеты: там каждая крошка для них леденец.

Я решил, что у них в парходике с обеих сторон идут лавки. Во всю длину. И они днем там сидят рядком и тихонько шепчутся. Про свои дела. А ночью, когда все-все заснут, тут у них работа.

Я все время думал о человечках. Я хотел взять тряпочку, вроде маленького коврика, и положить около дверей. Намочить тряпочку чернилами.

Они выбегут, не заметят сразу, ножки запачкают и наследят по всему парходоиду. Я хоть увижу, какие у них ножки. Может быть, некоторые босиком, чтобы тише ступать. Да нет, они страшно хитрые и только смеяться будут над всеми моими штуками.

Я не мог больше терпеть.

И вот — я решил непременно взять парходик и посмотреть и поймать человечков. Хоть одного. Надо только устроить так, чтобы остаться одному дома. Бабушка всюду меня с собой таскала, во все гости. Все к каким-то старухам. Сиди — и ничего нельзя трогать. Можно только кошку гладить. И шушукает бабушка с ними полдня.

Вот я вижу — бабушка собирается: стала собирать печенье в коробочку для этих старух — чай там пить. Я побежал в сени, достал мои варежки вязаные и натер себе и лоб и щеки — всю морду, одним словом. Не жалея. И тихонько прилег на кровать.

Бабушка вдруг хватилась:

— Боря, Борюшка, где ж ты? — Я молчу и глаза закрыл. Бабушка ко мне:

— Что это ты лег?

— Голова болит.

Она тронула лоб.

— Погляди-ка на меня! Сиди дома. Назад пойду — малины возьму в аптеке. Скоро вернусь. Долго сидеть не буду. А ты раздевайся-ка и ложись. Ложись, ложись без разговору.

Стала помогать мне, уложила, увернула одеялом и все приговаривала: «Я сейчас вернусь, живым духом».

Бабушка заперла меня на ключ. Я выждал пять минут: а вдруг вернется?

Вдруг забыла там что-нибудь?

А потом я вскочил с постели как был, в рубаше. Я вскочил на стол, взял с полки пароходик. Сразу руками понял, что он железный, совсем настоящий.

Я

прижал его к уху и стал слушать: не шевелятся ли? Но они, конечно, примолкли. Поняли, что я схватил ихний пароход. Ага! Сидите там на лавочке и

примолкли, как мыши.

Я слез со стола и стал трясти пароходик. Они стряхнутся, не усидят на лавках, и я услышу, как они там болтаются.

Но внутри было тихо.

Я понял: они сидят на лавках, ноги поджали и руками что есть сил уцепились в сиденья. Сидят как приклеенные.

Ага! Так погодите же. Я подковырну и приподниму палубу. И вас всех там накрою. Я стал доставать из буфета столовый нож, но глаз не спускал с пароходика, чтоб не выскочили человечки. Я стал подковыривать палубу. Ух, как плотно все заделано. Наконец удалось немножко подсунуть нож. Но мачты

поднимались вместе с палубой. А мачтам не давали подниматься эти веревочные

лесенки, что шли от мачт к бортам. Их надо было отрезать — иначе никак. Я на

миг остановился. Всего только на миг. Но сейчас же торопливой рукой стал резать эти лесенки. Пилил их тупым ножом. Готово, все они повисли, мачты свободны. Я стал ножом приподнимать палубу. Я боялся сразу дать большую щель. Они бросятся все сразу и разбегутся. Я оставил щелку, чтобы пролезть одному. Он ползет, а я его — хлоп! — и захопну, как жука в ладони. Я ждал и держал руку наготове — схватить.

Не лезет ни один! Я тогда решил сразу отвернуть палубу и туда в середку

рукой — прихлопнуть. Хоть один да попадется. Только надо сразу: они уж там
небось приготовились — откроешь, а человечки прыск все в стороны.
Я быстро откинул палубу и прихлопнул внутрь рукой. Ничего. Совсем,
совсем ничего! Даже скамеек этих не было. Голые борта. Как в кастрюльке. Я
поднял руку. И под рукой, конечно, ничего. У меня руки дрожали, когда я
прилаживал назад палубу. Все криво становилась. И лесенки никак не
приделать. Они болтались как попало. Я кой-как приткнул палубу на место и
поставил парходик на полку. Теперь все пропало!
Я скорей бросился в кровать, завернулся с головой.
Слышу ключ в дверях.

— Бабушка! — под одеялом шептал я. — Бабушка, миленькая, родненькая,
чего я наделал-то!

А бабушка стояла уж надо мной и по голове гладила:

— Да чего ты реवेशь, да плачешь-то чего? Родной ты мой, Борюшка!
Видишь, как я скоро?

Она еще не видала парходика.

ПУТЕШЕСТВИЕ ХРАБРОГО ВАН-ГУГЕНА

Шесть недель перелистывал книги голландский воин Фома Ван-дер-Гуген.
Это было четыреста лет тому назад, в старое время, и воин был старинный.
Чего ж он книги перелистывал? В книгах он вычитывал, что ждет его в пути,
когда он на корабле поедет в Персию и повезет золото, чтобы выкупить из
плена своего брата Иоганна Ван-дер-Гугена. Корабли у голландцев на славу
—

ни ветру, ни бури не боятся — не беда.

А вот на первой же странице толстой книги написано: есть в океане
морской человек. Лицом он похож на человека, только руки короткие и хвост
рыбий. Однажды влез он на борт купеческого корабля, и корабль накренился
на

борт и вовсе перевернулся бы, не соскочи человек обратно в море.

«Ничего, — подумал Ван-дер-Гуген, — на корабле можно к берегу пристать,
выскочить на землю и удрать от морского человека». Перевернул страницу
— еще

картинка.

Рассмотрел: рыба на ножках. Подписано: морская собака. В море плавает,
как рыба, по земле бегают, как зверь.

От такой и на берегу не спасешься.

— Ну, а шпага моя на что? — сказал Ван-Гуген и погладил шпагу по боку.

Но через две страницы он увидел картинку, как чешуйчатый морской змей на выбор глотает с корабля людей — какого захочет. И если даже все время ходить

в латах, то змей съест вместе с латами, ему и железо нипочем.

«Ну, должно быть, только отчаянных грешников хватается змей, меня не тронет», — решил Ван-Гуген. Но дальше прочел в книге, что змей ухватил как-то даже монаха самой праведной жизни.

— А вдруг все это не так? — уж вслух сказал Ван-Гуген и хотел выпить вина, чтоб согнать страх, но внизу страницы увидел семиголовое чудище, и достоверный ученый писал: «Эту семиголовую гидру и сейчас еще можно видеть в

городе Венеции, где ее показывают за небольшие деньги».

Уж если сам архиепископ Магнус пишет, значит, правда, и Ван-Гуген уж не читал больше, а дрожащими пальцами листал книгу. Вон чудище прямо с берега

ухватило человека и ест, как кильку. Захлопнул книгу. Открыл другую. Вот тут радость.

Босые, голые люди простым бревном губят чудище — крокодила. Главное — дружно налечь. Ван-Гуген приосанился, подбоченился. Эх, так его! Луком разят. Топором! Так его, голубчика. А-а-а, задрал ножки. Долго радовался Ван-Гуген. Ходил по комнате, ногой притоптывал — есть на чудище управа. Главное — дружно и не трусь.

Но вот он после обеда поспал, снова сел за книги: и вот на картине море, за морем огненные волны, с огнем уж тихая, мирная вода. А из тихой воды с края света подымается рука — пальцы до небес. Распялилась рука и вот-вот сгребет когтями корабль. Тут уж трусь не трусь, дружно не дружно, всем одна жестокая судьба.

Ван-Гуген прищурил глаза и поднес книгу к самому окну. Он сразу даже не понял, что нарисовано. Нет, верно. И подпись говорит ясно: вылез из моря огромный спрут, опутал своими щупальцами мачты корабля... ну, дальше понятно, чем все кончилось.

Он хотел уж захлопнуть книгу. Но потом опять стал разглядывать ту картинку, на которой была нарисована рука. Вон море взмахнуло волной выше

мачт корабля, сейчас грохнет на палубу и разобьет, как гнилое корыто. Но вон-вон дальше тихое море, еще шаг, два... А это что ж вверху?

Гигантская птица Рок ухватила, подняла ввысь корабль и рвет, дерет по ключьям, а люди валяются вниз, как семечки из дырявого мешка. Ну, а если и птице Рок недосуг будет рвать корабль, — то вон из-за горизонта вздымается

до небес рука. Она закрыла собой огненный закат, распялилась и ждет, как судьба.

Ван-дер-Гуген захлопнул ученую книгу и спрятал в шкаф.

«Нет, не поеду, ни за что не поеду, — в душе решил Ван-Гуген. — Скажу всем, что я занемог. Может, сын мой поедет... когда подрастет».

И когда вошла жена, Ван-Гуген сделал кислую мину и, закатив глаза, спросил:

— Берта, ты не забыла, где живет медикус Мунц?

Вот какие книги печатались в старину. Конечно, на самом деле никаких таких зверей не было и никто их не мог видеть. Но тогда в школах, на уроках географии всерьез учили, в каких странах живут все эти чудища...